

УДК 94(47)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕАЛОГИИ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА (IX–XVII вв.)

О.Л. Сумарокова, И.В. Кузнецова

На основе древнейших памятников древнерусской литературы, политических трактатов, манифестов и уставов исследована эволюция российского патриотизма в период Средневековья (IX–XVII вв.), а также выявлены основные его черты, обусловившие содержание современной российской патриотической мысли.

Ключевые слова: патриотизм; средневековый патриотизм; идеология “Москва – третий Рим”; концепция “Общего блага”.

TO THE QUESTION ABOUT THE GENEALOGY OF RUSSIAN PATRIOTISM (IX–XVII centuries)

O.L. Sumarokova, I.V. Kuznetsova

On the basis of ancient monuments of ancient Russian literature, political treatises, manifests and statutes the article examines the evolution of Russian patriotism in the middle Ages (IX–XVII centuries), and reveals its main features that conditioned the content of modern Russian Patriotic idea.

Keywords: patriotism; medieval patriotism; the ideology of “Moscow – third Rome”; the concept of “Common good”.

Патриотизм – один из древнейших феноменов в истории человечества, представляющий собой фундаментальную непреходящую ценность человеческой цивилизации, не подлежащую психологическому изжитию. Зарождение его было обусловлено процессами политической социализации людей, осознавшими необходимость реагирования на происходящие политические процессы в соответствии с интересами безопасности своего социума или территории и готовность подчинить свои личностные интересы интересам Отечества.

Трактовки и аспекты применения термина патриотизм (от *греч.* – соотечественник, родина, отечество) вызывают среди современных ученых разногласия ввиду обусловленности концепта “патриотизм” национально-культурной спецификой того или иного общества, факторами экстралингвистического порядка, его идеологизированностью и пр. Так, зачастую патриотизм связывают с национализмом [1, с. 304], рассматривают его как средство манипуляции общественным сознанием и “последнее прибежище негодяя” [2, с. 269].

Ретроспективный анализ становления российского патриотизма позволяет выделить четыре основных этапа, каждый из которых включает в себя

отдельные периоды, обусловившие его содержание на современном этапе: Средневековый патриотизм (IX–XVII вв.), патриотизм Нового времени (XVIII – начало XX вв.), советский патриотизм (1917 г. – 80-е гг. XX в.), современный российский патриотизм (90-е гг. XX в. – настоящее время).

Впервые в истории России стройное и логическое воплощение идея патриотизма, ставшая одним из оснований русского национального самосознания, обрела в древнейшем памятнике древнерусской литературы “Слове о законе и благодати” (дата появления между 1037–1050 гг.) Илариона – первого митрополита славянского происхождения в Древнерусском государстве. Повествуя о вселенском характере христианства, автор утверждает об особой миссии русского народа и Руси, выступающей “сосудом” для новой христианской веры, истины и благодати: “И събысться о насъ языкѣх реченое: «Открыеть Господь мышцу свою святую прѣдъ всѣми языки, и узрѣть вси конци земля спасение, еже от Бога нашего»” [3].

Патриотический пафос “Слова” растет по мере того, как описываются успехи русского народа в распространении православия. Между тем, патриотизм Илариона не представляется национально

ограниченным. Подчеркивая, что русский народ является лишь частью человечества, он признает равноправие русских с другими народами, однако имея в виду лишь народы, исповедующие христианство, и призывает всех к принятию православия [3].

По мнению исследователя Н.С. Фокиной, этот религиозный аспект иларионовского “Слова” дал начало определенному направлению русской патриотической мысли, согласно которому *российский патриотизм всегда имел и должен иметь религиозную, в частности, православную природу* [4, с. 87]. Несмотря на это, древнерусское патриотическое сознание не носило абсолютный религиозный характер, о чем свидетельствует тот факт, что Иларион несколько не умаляет исторической роли князей Игоря и Святослава, правивших на Руси в языческий период [3].

Важно отметить, что спустя четыре века деятельность князей Святослава и Игоря обрела в трудах летописцев негативную оценку, о чем свидетельствуют Ермолинская (кон. XV в.) и Львовская (I пол. XVII в.) летописи, в которых осуждалась приоритетность в политике князей завоевательных походов перед охранными мероприятиями. Как утверждает академик Д.С. Лихачев, “постепенно и летопись, и воинские повести переходят к описанию оборонительных, а не завоевательных войн. И дело тут не только в том, что походы в чужие земли становятся реже, а оборонительные чаще, но и в моральной стороне дела” [5, с. 111].

Это обстоятельство знаменовало зарождение ставшего традиционным для русской культуры качества патриотизма – его *миротворческого неагрессивного характера*, составившего морально-нравственную основу концепции. Его константность в системе качеств русского патриотизма профессор В.Д. Зорькин связывает, во-первых, с континентальным характером российских территорий, исключая радикально-силовую путь создания страны; во-вторых, с сильнейшим нравственно-организующим влиянием православной церкви; в третьих, с такими ярко выраженными чертами русского национального характера, как терпимость, добродушие, незлобливость, уживчивость и милосердие [6, с. 42–47].

Поворотной во всех отношениях исторической вехой в формировании древнерусского патриотического сознания стала Куликовская битва (1380 г.). Одержанная в ней победа явилась итогом объединения феодальных дружин и народных полков из разных русских земель во главе с московским великим князем Дмитрием Донским, ознаменовавшего рождение войска единой Руси. Как было отмечено историком Ф.Ф. Нестеровым,

“каждый город, село, деревня, откликнувшиеся на призыв великого князя, гордились своим участием в общерусском деле, своей сопричастностью к победе над Мамаем, и эта великая гордость враз отодвинула в сторону старый областной патриотизм, характерный для эпохи феодальной раздробленности. На его место встало чувство беспредельной любви к Отечеству и преданности великому князю всея Руси как живому олицетворению общерусского единства” [7, с. 72–73].

Этот переломный в российской истории момент обозначил переход русского патриотизма в новое качество – из патриотизма сугубо мессианского, основанного на общеславянской солидарности, в *патриотизм этнический, общерусский*. Российский ученый Л.Н. Гумилев писал по этому поводу: “Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах” [8, с. 59].

В середине XV в. в Москве начался кардинально новый этап централизованной государственности, подкрепленной державными эмоциями разных слоев населения. Выразителем патриотических настроений общества в этот период стала русская православная церковь, по мнению русского историка С.Г. Пушкирева, в тяжелое время татарского ига церковь, ставшая силой, которая сохраняла и воспитывала не только религиозное, но и национальное сознание православного русского народа” [9, с. 121].

Планомерное освобождение Руси от Ордынского ига, подписание митрополитом Исидором церковной унии во Флоренции с римско-католической церковью, а также весть о взятии 29 мая 1453 г. Константинополя турками ознаменовали формальную независимость Русской Церкви от Византии и разработку в связи с этим патриотической политической идеологии “*Москва – третий Рим*”, автором которой стал старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей Псковский. Свою концепцию он развил в целом ряде посланий дьякону Мисюрю Мунехину (от 1517 г.) и великому князю Василию III (между 1514–1521 гг.).

Стоит отметить, что благодаря новой идеологии “Москва – третий Рим”, предписывающей патриоту служить российскому правителю, Россия несколько столетий благополучно адаптировалась не только к новым внутриполитическим историческим условиям, но и внешним реалиям, расширяя свои территории путем реализации программы освобождения христианских народов от мусульманского гнета. За годы “русской реконкисты” (с 1505 по 1533 г.) территория Русского государства

увеличилась в 6 раз: с 430 тыс. кв. км до 2,8 млн кв. км [10, с. 321–331].

Тяжелым потрясением всей политической, социальной, экономической и духовной жизни Московского государства стало Смутное время, надежда на преодоление которого по-прежнему связывалась с православием: борьба против “иноверцев” в начале XVII в. за русскую государственность мыслилась как священное религиозное противостояние с “вечными врагами и богоборцами”, которые “Московское государство выжгли и высекали” [11, с. 392–394]. Страстный накал патриотизма, жертвенности и мессианской защиты святынь – православия, царя и целостности царства – позволил завершить Освободительную войну победой в 1612 г. Исследователи имперского периода, отслеживавшие истоки русского самосознания, утверждали, что именно период Смутного времени был отмечен проявлением первого пароксизма национального самосознания русских, связанного с активизацией иностранного влияния, играющего, как правило, роль “проявителя” определенного национального типа.

С восстановлением в России в 1613 г. абсолютной монархии и избранием “по приговору всея земли” царем Романова Михаила Федоровича в прежнюю политическую идеологию вносятся некоторые коррективы. Их цель состояла в обосновании законности прихода к власти новой династии Романовых путем установления ее генетических связей с Рюриковичами, а через них с Римским императором Августом, а также в укреплении международного авторитета династии. Для этого в 1669 г. Ф.И. Грибоедовым по поручению царя Алексея Михайловича составляется “История, сиречь повесть или сказание вкратце, о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчаных царей и великих князей, же в Рустей земле богоугодно державствующих...”, воспроизводившая родословную связь русских князей и царей, начиная с Владимира Святославича и заканчивая Алексеем Михайловичем.

Официальная сакрализация и идеализация монарха способствовала укреплению в России авторитарного политического режима, обусловившего формирование *авторитарного патриотизма*, отождествлявшего Отечество с личностью царя как с субъектом властных отношений. Наряду с ним в XVII в. в России были выработаны иные патриотические идеологии, своим появлением свидетельствовавшие о том, что “многим смутно думалось и чувствовалось на тогдашней Руси” [12, с. 112], нуждавшейся в определении нового вектора своего общественно-политического развития. Одна из них была представлена в политической про-

грамме хорвата Юрия Крижанича, изложенной в работе “Политика” и являвшейся, по сути, идейной формулировкой националистической реакции на усиливающийся натиск на Россию европейской культуры.

“Есть два народа, искушающих Россию приманками противоположного характера, влекущих и разрывающих ее в противоположные стороны. – Утверждал автор. – Это – немцы и греки. При всем различии между собой, оба народа вполне сходятся в одном, именно в основной цели своих искушений, и сходятся настолько хорошо, что можно было бы предположить между ними взаимный заговор для нашей гибели” [12, с. 112].

Еще один лейтмотив “Политики” Крижанича – идея славянского единения в борьбе против Османской империи, Крымского ханства и немецкого засилья под скипетром русского царя: “Тебе, пречестной царь, выпал жребий промышлять обо всем народе славянском” [13, с. 149].

Залогом успешности миссии “собирания” славян, исповедующих, что немаловажно, не только православие, но и католицизм, Крижанич считал сильное государство, управляемое королем, чья главная забота “людство учинить блаженным”. Провозглашенный, таким образом, принцип “не королевство для короля, но король для королевства”, а также убежденность в том, что целью правления и государственных реформ является “общее благо и польза народа” позволяют считать автора “Политики” родоначальником теории, получившей широкое распространение в России при Петре I, – концепции “**Общего блага**”, предписывавшей и императору, и его подданным служить Отечеству.

Петром эта идея впервые была высказана в 1702 г. в манифесте о призыве иностранцев на русскую службу. Спустя почти два десятилетия – 22 октября 1721 г. – Петр I сформулировал эту мысль более четко: “Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который бог нам пред очь кладет как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ” [14, с. 485].

Историк Н.И. Павленко, сопоставив различные акты, в которых фигурировало понятие “общее благо”, восстановил собирательный смысл последнего. По его мнению, под ним подразумевалось развитие торговли, ремесел и мануфактур, соблюдение правосудия, искоренение “неправды и тягости” в сборах налогов и наборах рекрутов, защита безопасности границ страны и целостности ее территории, что в целом должно было обеспечить повышение “благосостояния” подданных, их жизнь “в беспечалии” и тем самым – повысить международный авторитет империи [14, с. 485].

Большую роль в формировании патриотического сознания в России сыграла ритуализация, состоявшая в утверждении символов, наград и традиций, к коим относилось и принятие клятвы на верность царю. Впервые она была составлена воспитателем и наставником царя Алексея Михайловича Борисом Ивановичем Морозовым в 1647 г. и закреплена в “Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки”, устанавливая нормы отношения к родной земле и поведения русского воина. С этого момента патриотизм официально считался военно-профессиональным качеством и нормой поведения солдат [15, с. 56–62].

Приведение в ранг государственного закона воинской присяги было осуществлено Петром I. Утвержденный им текст церемониальной торжественной клятвы, вобрав в себя опыт предыдущих поколений, включал в себя триединство компонентов, сохранявшихся в воинской присяге вплоть до октябрьской революции, ставшее неотъемлемой частью русского патриотического сознания, – Отечество, Государь и православная вера. Хотя формально девиз “За Веру, Царя и Отечество” родился позже из огня сражений Отечественной войны 1812 г. Основными документами петровской эпохи, закреплявшими патриотизм как норму поведения, являлись “Артикул воинский” (1715 г.), “Учреждение в бою по настоящему времени” (1708 г.), а также “Морской устав” (1720 г.).

Ключевой чертой российского патриотизма стал личный пример офицера своим подчиненным. Построив полки для решительной атаки в ходе Полтавской битвы, Петр I обратился к ним со словами: “А о Петре ведайте, что ему жизнь его недорого, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!” [16, с. 259]. Далее император лично повел в бой батальон второй линии Новгородского полка.

В XVIII в. в России начинает складываться система патриотического просвещения и военно-патриотического воспитания, о чем может свидетельствовать “Инструкция пехотного полка Полковнику” (1764 г.), предписывавшая командирам регулярное чтение и разъяснение уставов, артикулов, приказов, ведение бесед о могуществе России и демонстрация патриотизма своим личным примером [16, с. 259].

Находясь еще у истоков российской государственности, русские военачальники уже тогда пришли к осознанию обстоятельства, сформулированного известным педагогом Д.Н. Трескиным: “Дух патриотизма должен лежать в основании и венчать всякую военную систему, в противном случае она не будет иметь никакой цены... Для вы-

работки таких качеств (преданности и любви к Родине – *авт.*) у солдата есть одно только средство – это знакомство с отечественной историей. Солдат и простолудин, не знающий ее, не имеющий понятия о прошлой жизни своего народа, представляют собою скорее невежественного, некультурного полудикаря, чем военного человека или гражданина” [17, с. 74].

Литература

1. Рунг Э.В. Понятие “патриотизм” и его древнегреческие коннотации / Э.В. Рунг // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 2. С. 305–314.
2. Boswell J. The life of Samuel Johnson / J. Boswell, E. Malone. London, 1830. 551 p.
3. Слово о законе и благодати митрополита Илариона / Текст и комментарии А.М. Молдована [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 7.08.2017).
4. Фокина Н.С. К вопросу о патриотическом содержании литературно-философских памятников Древней Руси / Н.С. Фокина // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 13-й международной конференции молодых ученых 26–30 декабря 2002 г. СПб., 2002.
5. Лихачев Д.С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы / Д.С. Лихачев // Литература – реальность – литература. Л.: Худ. лит., 1984. С. 298–322.
6. Зорькин В. Патриотизм истинный и ложный / В. Зорькин // Диалог. 1994. № 9–10. С. 42–47.
7. Нестеров Ф. Связь времен: опыт исторической публицистики / Ф. Нестеров. М.: Молодая гвардия, 1980. 239 с.
8. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н. Гумилев. М.: Айрис-пресс, 2004. 380 с.
9. Пушкирев С.Г. Обзор русской истории / С.Г. Пушкирев. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. 491 с.
10. Kastanov S.M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert / S.M. Kastanov // Jahrbucher fur geshichte Osteuropas. 1995. Bd. 43. Hf. 3. S. 321–346.
11. Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б.Н. Флоря. М.: Индик, 2005. 416 с.
12. Милоков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение / П. Милоков. СПб.: Мир божий, 1901. Вып. 1. 186 с.

13. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 7 / С.М. Соловьев // История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. 701 с.
14. *Павленко Н.И.* Петр Великий / Н.И. Павленко. М.: Мысль, 1994. 591 с.
15. *Бенда В.Н.* “Присяга на верность...” как одно из средств формирования традиций русской армии и патриотизма в России XVIII в. / В.Н. Бенда // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31.
16. *Широкопад А.Б.* Северные войны России / под ред. А.Е. Тараса / А.Б. Широкопад. М.: АСТ – Мн.: Харвест, 2001. 848 с.
17. *Трескин Д.Н.* Курс военно-прикладной педагогики: дух реформ русского военного дела / Д.Н. Трескин. Киев: 1909. 112 с.